

Ю. Г. Дементьев

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН В ТРУДАХ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (1873—1955) — соратника В. И. Ленина, участника трех революций, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, первого Управляющего делами Совета Народных Комиссаров, партийного издателя. В. Д. Бонч-Бруевич был крупным ученым — историком, этнографом, литературоведом¹. Им написано свыше 200 научных трудов по истории революционного движения, по этнографии, по проблемам истории религии и атеизма, по истории культуры.

В настоящей статье сделана попытка осветить основные направления деятельности ученого-марксиста в области этнографии и смежных дисциплин, показать методологическое значение его трудов.

* * *

Еще в эмиграции, будучи студентом философского факультета Цюрихского университета, В. Д. Бонч-Бруевич говорил о необходимости теоретически и практически изучать и крестьянский вопрос, и доподлинную крестьянскую жизнь². В связи с этим В. Д. Бонч-Бруевич заинтересовался религиозными движениями в России. Он начал изучать быт, обычаи, устное творчество сектантов. Вслед за Ф. Энгельсом, изучавшим средневековые западноевропейские ереси, В. Д. Бонч-Бруевич в 1899 г.

¹ О жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича см.: «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич» («Материалы к библиографии ученых СССР, Серия историческая», вып. 5), М., 1958; Р. Липец, С. Токарев, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, «Сов. этнография», 1955, № 4; Г. Г. Демиденко, Питання діяльності В. Д. Бонч-Бруевича в радянській історичній літературі, «Наукові праці з історії КПРС», вып. 42, Київ, 1971; В. Сутырин, Рядом с Лениным, в кн.: «Партия шагает в революцию. Рассказы о соратниках В. И. Ленина», М., 1964; Р. М. Савицкая, Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича как источник для изучения жизни и деятельности В. И. Ленина в период мирной передышки 1918 г., в кн.: «Археографический ежегодник за 1968 г.», М., 1970; В. П. Морозова, Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Лецина (август — декабрь 1904 г.), «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; О. Д. Голубева, В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, М., 1972; А. И. Клибанов, В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России, в кн.: В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. I, М., 1959; М. И. Шахнович, В. Д. Бонч-Бруевич — исследователь религиозно-общественных движений в России, в кн.: «Ежегодник музея истории религии и атеизма», т. VII, М.—Л., 1964; М. М. Шейнман, В. Д. Бонч-Бруевич и его исследование религиозных проблем, в кн.: В. Д. Бонч-Бруевич, Избранные атеистические произведения, М., 1973; Ю. Я. Коган, В. Д. Бонч-Бруевич и научно-атеистическая работа АН СССР (1946—1955), сб. «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1964; Ю. Г. Дементьев, Вклад В. Д. Бонч-Бруевича в советское архивное строительство, «Сов. архивы», 1971, № 3; К. Г. Межова, Деятельность В. Д. Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения, «Сов. архивы», 1973, № 3; С. В. Житомирская, Л. В. Гапачко, Б. А. Шлихтер, Архив В. Д. Бонч-Бруевича, «Записки отдела рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина», вып. 25, М., 1962.

² В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. I, стр. 318.

Рис. 1. В. Д. Бонч-Бруевич (портрет из книги: В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. III, М., 1963)

крестьянских движений, прослеживая, как и почему та или иная религиозная концепция захватывала массы, В. Д. Бонч-Бруевич показывал, что противоречивость и историческая ограниченность этих движений в значительной степени обуславливались реакционной ролью, которую играла в них религиозная идеология.

В. Д. Бонч-Бруевича интересовало происхождение сектантства, история формирования культурно-бытовых особенностей сектантских общин, расселение сектантов. Он изучал внутреннюю жизнь сектантских колоний, их идеологию, выражавшую мечты угнетенных крестьян о построении «царства божьего» на земле. Наряду с непосредственными наблюдениями он широко пользовался письменными источниками. Г. И. Петровский так характеризовал его метод: «Владимир Дмитриевич искал непосредственных связей с жизнью, он изучал вопрос во всем его многообразии не только по книгам, но и в общении с теми, о ком он писал»⁴.

В 1899 г. вместе с группой духовоборов, преследовавшихся царским правительством, В. Д. Бонч-Бруевич отправился в Канаду; он помогал расселению духовоборов и одновременно изучал их верования, быт, нравы, записывал произведения устно-поэтического творчества. В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Я впервые жил в самой гуще сектантской массы, где ознакомился и с их обрядами и обычаями, и с их вероучением... изучил экономическую природу их общин, их организацию и пр.»⁵. В этнографической литературе упоминалась неписаная «Животная книга» («Книга жизни»), содержавшая песни (псалмы), «вопросы — ответы», поучения и т. д., отражавшие общественные, этические и религиозные взгляды духовоборов. Отвергая Ветхий и Новый заветы, они руководствовались в

приступил к исследованию русских религиозно-общественных движений. В основу методологии своего исследования он положил принципы ленинского анализа противоречий общественного развития России. В «Проекте программы нашей партии» В. И. Ленин дал такую оценку религиозно-общественных движений в России во второй половине XIX в.: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»³.

Историю религиозного сектантства В. Д. Бонч-Бруевич рассматривал в тесной связи с ходом классовой борьбы. Анализируя программу выступающих под религиозным знаменем кре-

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

⁴ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, «Материалы к библиографии ученых СССР», стр. 11.

⁵ В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. I, стр. 326.

своем вероучении «Животной книгой», которая, по их мнению, была создана самой жизнью и «духом» боровшихся за свою веру духоборов. Ранее исследователям не удавалось записать «Животную книгу». В. Д. Бонч-Бруевич, собирая материалы в Канаде, не только целиком записал ее, но и собрал ценный рукописный материал по истории духоборческого движения. В письме известному исследователю русского религиозного сектантства А. И. Клибанову В. Д. Бонч-Бруевич сообщал, что В. И. Ленина очень заинтересовала «Животная книга» духоборов⁶.

Поездка в Канаду положила начало долголетнему собиранию В. Д. Бонч-Бруевичем фольклора сектантов и материалов по истории сектантства, продолжавшемуся потом в России. С 1901 г. исследования по истории сектантства были включены в планы Российской Академии наук. Он разработал «Программу для собирания сведений по исследованию и изучению русского сектантства и раскола», содержавшую план рассмотрения религиозно-обрядовой стороны жизни сектантов, их экономического положения, всех сторон их быта. Вопросы программы ориентировали на выяснение прежде всего социального устройства сектантских общин, показ классового расслоения в них. Составленная В. Д. Бонч-Бруевичем картотека по истории религиозно-общественных движений, почти полностью исчерпывавшая литературу по данной теме, до сих пор не утратила своего значения. Им была подготовлена также картотека названий сект.

В основу первых научных сообщений В. Д. Бонч-Бруевича о сектантстве были положены записи его бесед с сектантами; наряду с ними использовались и архивные материалы. В 1901—1902 годах в Лондоне вышли четыре выпуска серии работ В. Д. Бонч-Бруевича под общим названием «Материалы к истории и изучению русского сектантства». В последующие годы было издано еще шесть выпусков «Материалов». Кроме того, вышли в свет книга В. Д. Бонч-Бруевича «Духоборцы в Канадских прериях», а также цикл статей по истории сектантства. Уже эти работы характеризовали автора как серьезного и глубокого исследователя — этнографа и историка.

В. Д. Бонч-Бруевич использовал оба главных метода этнографической полевой работы: экспедиционный (многократно), а также стационарный (в Канаде). Академия наук не раз командировала его для этнографических полевых исследований в Воронежскую, Харьковскую, Ставропольскую губернии, Кубанскую и Терскую области и в Закавказье, в районы, населенные сектантами.

О своей научной работе В. Д. Бонч-Бруевич информировал В. И. Ленина. Так, в письме к Н. К. Крупской от 13 октября 1909 г. он сообщал: «В мае (в конце) поехал я по поручению Академии наук на исследование сектантских общин Северного Кавказа. Исколесил Терскую и Кубанскую области и вывез оттуда очень много ценных рукописей и другого этнографического материала, а также много интересных и значительных личных наблюдений»⁷. Плодотворной была его поездка в Закавказье с экспедицией Академии наук для изучения быта и фольклора духоборов. В записной книжке 1911—1912 гг., которой В. Д. Бонч-Бруевич пользовался во время поездки по Тифлисской и Елизаветпольской губерниям, содержатся интересные сведения этнографического и экономического характера о духоборах (хозяйство, костюмы, праздники и т. д.). В другой записной книжке этого же периода имеются записи сектантских псалмов, библиография по истории сектантства, заметки о вероучении сектантов⁸.

Отделение русского языка и словесности Академии наук в отзыве от 22 мая 1912 г. дало высокую оценку работам В. Д. Бонч-Бруевича,

⁶ Там же, стр. 380.

⁷ Там же, стр. 346.

⁸ Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 369, к. 82, ед. хр. 25 и 26.

отметив их строгую научность: «Они исполнены с филологической точностью. В. Д. Бонч-Бруевич систематически исследовал сектантов в жизни, на местах их деятельности. Основные исследования произвел в области изучения сект: скопцов... духоборцев, молокан, духовных свободных христиан. Обширное собрание своих материалов, рукописей, фотографий, собственных записей произведений устной литературы В. Д. Бонч-Бруевич пожертвовал Рукописному отделению Библиотеки Академии наук. Здесь собрание это доступно специалистам...»⁹.

В. Д. Бонч-Бруевич обратил внимание Академии наук на судебные документы как важнейший источник для изучения российского сектантства. По его докладу было принято решение передать в Академию наук все судебные материалы по религиозным процессам. «Посылки стали приходиться в Академию сотнями. Об этом пронюхали миссионеры и сделали доклад министру юстиции, который понял, что эти материалы через Академию наук поступают в круг светского научного изучения и анализа, и тотчас же добился пересылки всех материалов в архив министерства юстиции, где они были скрыты от глаз исследователей — историков и этнографов»¹⁰.

В. И. Ленин с большим интересом следил за деятельностью В. Д. Бонч-Бруевича как ученого-марксиста. В 1918 г., увидев в его библиотеке книги в самодельных переплетах, Владимир Ильич спросил: «Что это за книги?». «Это рукописи, собранные мной во время исследовательских этнографических поездок», — ответил В. Д. Бонч-Бруевич и сообщил, что эти произведения тайно распространялись еще в XVIII в., что они «принадлежали различным писателям из народной среды, которые входили в разные тайные организации, в так называемые сектантские общины». В. И. Ленин определил эти произведения как «подлинно народное творчество» и отметил, что «это многовековое творчество масс отображает их мирозерцание в разные эпохи»¹¹.

Творчество широких масс, в каких бы формах оно ни выступало, вызывало пристальное внимание В. И. Ленина. О рукописях сектантов он говорил: «...Ведь вот наши приват-доценты написали пропасть бездарных статей о всякой философской дребедени... а вот из них никому и в голову небось не приходит, что вот эти рукописи, созданные самим народом, имеют во сто раз большее значение, чем все их писания»¹².

В личных беседах с В. Д. Бонч-Бруевичем В. И. Ленин высоко оценивал его этнографические исследования. В. Д. Бонч-Бруевич сообщает: «...Владимир Ильич неоднократно говорил мне, что, записывая и собирая среди народных масс рукописи, рассказы, сказания, легенды, изложения различных учений и тому подобные произведения, я делаю нужное и важное дело. Я понял, что он относится к этнографии весьма положительно, глубоко понимает ее смысл и значение и хочет, чтобы этнографический материал всегда обобщался, анализировался и рассматривался с марксистской точки зрения. Конечно, он был глубоко прав. Только научный марксистский анализ дает нам возможность понять сущность народного творчества, отражающего вековую борьбу, желания и ожидания широких народных масс»¹³.

Научную работу В. Д. Бонч-Бруевич сочетал с конкретной революционной практикой: проводил революционную пропаганду среди сектантов, посылал им социал-демократическую литературу, чтобы помочь «отбросить раз навсегда мистическую оболочку своего бессознательного

⁹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 17, ед. хр. 5.

¹⁰ Там же, к. 4, ед. хр. 2, л. 8.

¹¹ В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин об устном народном творчестве, «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 119—120.

¹² В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч., т. 1, стр. 380.

¹³ В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин об устном народном творчестве, стр. 119.

Рис. 2. В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич в Кремле. Москва, октябрь, 1918 г. (из книги: В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1965)

недовольства существующим строем и встать на единственно правильный путь социал-демократической борьбы»¹⁴. В. И. Ленин считал полезным распространение «Искры» среди сектантов. В письме к В. Д. Бонч-Бруевичу он предлагал: «Если пришлете адреса сектантов, которым можно послать „Искру“ в конвертах, мы будем послать им аккуратно все номера»¹⁵.

¹⁴ В. Д. Бонч-Бруевич, Силы русского клерикализма, «Искра», 1 декабря 1903 г.

¹⁵ Цит. по: И. А. Крывелев, Ленин о религии, М., 1960, стр. 182—183.

В. Д. Бонч-Бруевич разработал план социал-демократической пропаганды среди сектантов, который предусматривал издание и распространение брошюр и прокламаций, чтобы подготовить условия для создания революционных крестьянских организаций. По поручению В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич написал для II съезда РСДРП доклад «Раскол и сектантство в России». В нем был дан краткий очерк происхождения и развития, социально-политической роли основных сектантских течений в России как в рамках старообрядчества, так и в рамках никонианской церкви. Значительное внимание уделено в докладе городским ересям. Проанализировав мировоззрение различных сектантских групп, В. Д. Бонч-Бруевич показал, что их религиозные концепции — это еще не осознанные и облеченные народной мыслью в религиозные формы социально-политические требования сектантов.

Докладчик предложил ряд мер, целью которых было привлечение сектантов к революционному движению, в частности издание ежемесячного «Листка», где бы отражалось положение сектантов и велась пропаганда социал-демократических идей.

По решению съезда с января 1904 г. В. Д. Бонч-Бруевич стал издавать для сектантов ежемесячный журнал «Рассвет». В нем освещались с марксистских позиций главные события того времени, революционные выступления рабочих, помещались статьи на научно-атеистические темы («О священных книгах», «Что такое библия, как и кем она написана», «Происхождение религиозных верований в человечестве»), печатались обзоры «Среди сектантов».

Выполняя решение V Общероссийской конференции РСДРП (декабрь 1908 г.), наметившей ряд мер по воспитанию, организации и сплочению народных масс с использованием легальных форм революционной работы, В. Д. Бонч-Бруевич подготовил лекции по истории религиозно-общественных движений для Петербургского общества народных университетов, но градоначальник запретил его выступления.

После победы Октября В. Д. Бонч-Бруевич, занятый государственной работой, продолжал исследование религиозного сектантства в новых условиях. В написанной им в 1921 г. статье «Кривое зеркало сектантства» он обнажил классово-политическую сущность деятельности сектантских верхов¹⁶. Его работы послеоктябрьского периода пронизаны стремлением содействовать освобождению сознания советских людей от религиозных пережитков, включению в строительство нового общества. Актуально звучит и теперь оценка сектантства как «праха», который «туманит глаза, ум и чувство, и сердце», данная ему В. Д. Бонч-Бруевичем.

В 1938 г. за исторические и этнографические исследования В. Д. Бонч-Бруевичу была присвоена ученая степень доктора исторических наук (без защиты диссертации). Его работы и сейчас занимают видное место в научно-атеистической литературе¹⁷.

* * *

Очень ценны замечания В. Д. Бонч-Бруевича по проблемам фольклористики. Их важность определяется прежде всего тем, что В. Д. Бонч-Бруевич донес до нас методологические положения, высказанные В. И. Лениным в беседах с ним, и раскрыл глубокий интерес В. И. Ленина к устной поэзии народа, которую он рассматривал как важный исторический и этнографический источник. В статье «В. И. Ленин об устном народном творчестве» ученый сообщает, что весной 1918 г. Владимир Ильич много раз обращался к «Словарю русского языка» Даля, интересовался приведенными там пословицами и поговорками. Внима-

¹⁶ «Известия», 30 июля 1921 г.

¹⁷ Анализ деятельности В. Д. Бонч-Бруевича как исследователя религиозного сектантства см.: А. И. Клибанов, Указ. раб.; его же, История религиозного сектантства в России, М., 1965; его же, Религиозное сектантство и современность, М., 1969; его же, Религиозное сектантство в прошлом и настоящем, М., 1973.

тельно ознакомился В. И. Ленин с фольклорными сборниками («Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым, «Смоленский этнографический сборник», «Северные сказки» Н. Е. Ончукова), которые подобрал для него В. Д. Бонч-Бруевич. В. Д. Бонч-Бруевич приводит разговор с В. И. Лениным, характеризующий его отношение к фольклору. «Какой интересный материал,— сказал Владимир Ильич, когда я наутро вошел к нему.— Я бегло просмотрел все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»¹⁸.

В. И. Ленин считал поэтическое народное творчество важным средством познания убеждений и взглядов народа, его психологии и настроений, его мировоззрения.

Внимание В. И. Ленина к произведениям фольклора закономерно. Во многих из них, например в «Завоенных плачах» И. А. Федосовой, отражались наиболее трагические периоды в жизни народа, черты его психологии, самые сокровенные мысли и чувства трудовых масс, их протест против угнетения. В. Д. Бонч-Бруевич передал ленинские впечатления о поэтических импровизациях И. А. Федосовой: «Даже здесь, в этих скорбных „завоенных плачах“...— и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер»¹⁹.

Исследуя ленинские пометки в текстах «Завоенных плачей», В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Если вчитаться во все, что выделил Владимир Ильич, то ясно обозначится связанная гамма глубоко проникновенных крестьянских переживаний, высказываний, печалей и тоски, сквозь которые изредка, как бы скрытно проскальзывают нотки вспыхивающего затаенного гнева и пламенного желания сбросить помещичье-царский гнет, притеснения и вековые издевательства»²⁰.

В. Д. Бонч-Бруевич отмечал умение В. И. Ленина выделять в фольклорных текстах наиболее общественно ценное. Владимир Ильич считал, что фольклористы должны выявлять общественные мотивы народного творчества, вскрывать его политическую значимость.

В. Д. Бонч-Бруевич подчеркивал большое значение революционной массовой поэзии в пропаганде социалистических идей, идей пролетарской революции. Он говорил об огромной популярности революционных песен и стихотворений, которые имели «колоссальное влияние, распространяясь среди широких масс». Об этом свидетельствует тот факт, что сборники революционных песен и стихов «зачитывались до дыр бесконечным количеством людей, переписывались в тетради, делались выписки отдельных стихотворений и в тысячах экземпляров расходились по всем концам России»²¹. В. Д. Бонч-Бруевич живо интересовался историей создания и распространения пролетарской поэзии. Он включал в нее и сами фольклорные «истoki», искал в работах фольклористов материалы по истории рукописной, бесцензурной поэзии. Не придерживаясь традиционного определения фольклора как устного, анонимного, коллективного творчества, В. Д. Бонч-Бруевич считал письменную поэзию рабочих, революционные песни, созданные ими, ставшие широко известными в массах, специфически народным творчеством, его «ветвью». Он протестовал против забвения вольнолюбивой, революционной поэзии: «Мне больно видеть, что молодые исследователи так пренебрежительно относятся к столетней свободной русской литературе, издававшейся за

¹⁸ В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин об устном народном творчестве, стр. 118.

¹⁹ Там же, стр. 120.

²⁰ «Ленин и книга», М., 1964, стр. 340.

²¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 58, ед. хр. 40, л. 4.

границей и подпольно у нас в России. Пора кончать с этим и обязательно включать во все исследования не только ту легальную литературу, которую в царской России дозволялось распространять, но и ту нелегальную литературу, которую лучшие сыны нашей родины всеми мерами старались распространить среди широких рабоче-крестьянских масс, рискуя своей свободой и жизнью»²².

В. Д. Бонч-Бруевич проявлял большой интерес к исследованиям фольклористов. Он писал К. В. Чистову: «Я очень обрадовался подзаголовку книги „Русское народное творчество“, в котором сформулировано: „Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа“. Это и является тем, что так страстно хотел знать Владимир Ильич на основании всех произведений фольклора. Именно такое изучение фольклора будет связано с общественно-исторической жизнью местных крестьян, где творились эти произведения устного народного творчества, где Федосовы отражали в своих произведениях все разнообразие народной жизни, „чаяния и ожидания народные“. Очень буду рад прочесть Вашу монографию о жизни и творчестве И. А. Федосовой. Как хорошо, что Вы так глубоко заглянули в архивы, в литературу об этом выдающемся памятнике народного творчества, каким, несомненно, является многолетний труд Е. В. Барсова („Причитания Северного края“). Весьма нужно всесторонне изучать народное мировоззрение на основании фольклорных записей, которые дают нам возможность установить даже политическое мирозерцание народных крестьянских масс прошлого времени»²³.

Перу В. Д. Бонч-Бруевича принадлежит статья «Об устном народном творчестве». Он придавал большое значение объединению усилий исследователей фольклора: «Мы должны неустанно призывать всех современных фольклористов, как в СССР, так и в соседних с нами странах, куда произведения нашего изустного творчества также постоянно заносились, нередко переходя в так называемые „бродячие мотивы“, неуклонно, планомерно продолжать записывать все произведения устного народного творчества, которые только встречаются нам на пути исследования»²⁴. Он выдвигал новый аспект проблемы «литература и фольклор», считая необходимым наряду с изучением влияния фольклора на произведения профессиональных писателей рассматривать и воздействие поэзии поэтов-профессионалов на народное творчество: «Весьма важно выяснить, сколь глубоко проникла русская поэзия — этот могучий отдел всей художественной литературы — в недра народной массы, вызывая там своеобразные переделки произведений русских поэтов, вызывая подражания, стзвuki в широко народном песнетворчестве». В. Д. Бонч-Бруевич рекомендовал фольклористам особенно пристально исследовать произведения, в которых нашла четкое отражение социальная история масс: «Несмотря на то, что всевозможные духовные, военные и светские цензуры предыдущих столетий тщательно старались вытравить все эти мотивы из народного творчества, из народной памяти, преследуя тех сказителей, певцов и рассказчиков, которые из века в век носили в себе знания этого рода литературы,— мы все-таки можем с полной достоверностью сказать, что огромное число таких произведений в народной памяти сохранилось, отчасти они уже записаны и нам только нужно еще более усилить их разыскание, чтобы сопоставить себе достаточно полное представление о народном отношении к политической и социальной деятельности самодержавия, бояр, дворян, старой военщины, духовенства, помещиков, купцов, капиталистов»²⁵.

²² ОР ГБЛ, ф. 369, к. 58, л. 3—4.

²³ Отдел рукописей Музея истории религии и атеизма (далее ОР МИРА), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 982-а.

²⁴ «Спутник фольклориста», М., 1939, стр. 6.

²⁵ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 57, ед. хр. 55, л. 1.

В письме сотрудникам Института этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР от 6 октября 1954 г. он отмечал: «Вы делаете очень полезное дело, что принялись за изучение материалов народного творчества, посвященных борьбе широких народных масс против церкви и религии. Это как раз то, что нужно в настоящее время для изучения всего этого вопроса в полном объеме. Мы делаем уже подобную работу, касающуюся русского фольклора»²⁶.

Внимание к произведениям фольклора с антиклерикальной направленностью всегда было характерно для В. Д. Бонч-Бруевича. Так, он очень одобрительно отнесся к работе Р. С. Липец, которая в 1954 г. готовила к печати тексты сказок В. И. Беспаликова. Он писал, что эти сказки продемонстрируют «всем и каждому, что у нас не было и нет народа „богоносна“, народа, „взыскующего града“, а есть народ, крайне отрицательно относящийся к попам и всем их обманам, эксплуатации и жульничеству, разврату и пр.»²⁷.

В фольклоре В. Д. Бонч-Бруевич видел «отрицательное отношение к одному из устоев старого режима, к православию». Изучение отражения в фольклоре процесса развития атеистического сознания трудящихся масс дореволюционной России всегда встречало поддержку В. Д. Бонч-Бруевича: «Очень было бы желательно, чтобы появились статьи ученых-фольклористов, в которых бы выяснилась и эта сторона жизни народа, то есть отношение к церкви, к церковнослужителям... антирелигиозные, материалистические мотивы в народном творчестве»²⁸. В замечаниях на рукопись М. И. Шахновича «Свободомыслие и антиклерикализм в старом русском народном творчестве» В. Д. Бонч-Бруевич, в частности, писал: «В социалистическом обществе создается свой новый фольклор, выступающий как действенная надстройка, отображающий все силы и средства создания нового общества, борющийся за его существование и процветание»²⁹.

* * *

В. Д. Бонч-Бруевич внес большой вклад в собирание документальных материалов, необходимых для научных исследований. По поручению В. И. Ленина он написал брошюру «Сохраняйте архивы», выпущенную в октябре 1919 г. В ней говорилось о важном значении архивов для изучения истории общественных и революционных движений, положения рабочего класса и крестьянства. Автор подчеркивал, что богатства архивов должны быть введены в научный оборот для использования советскими учеными, которые «впервые в мире поведают всем историю огромного и великого народа, рассмотрев ее с единственно правильной точки зрения, с точки зрения классовых соотношений, с точки зрения борьбы классов, приложив все методы исследования революционного марксизма»³⁰.

С именем В. Д. Бонч-Бруевича связано создание Государственного Литературного музея — учреждения, ставившего целью собирание, хранение, научное описание, изучение на основе марксистско-ленинской методологии, экспонирование и публикацию материалов по художественной литературе и общественной мысли, фольклору, быту и изобразительному искусству. В. Д. Бонч-Бруевич участвовал в работе комиссии по выявлению за границей памятников культуры, относящихся к творчеству русских писателей, выезжал в Чехословакию и Германию, где нашел ценные документы. Он объединил вокруг себя энтузиастов собирания культурных сокровищ, посылал запросы ученым, литераторам, работникам искусства, краеведам, букинистам. Письма шли в адреса научных

²⁶ ОР МИРА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 103.

²⁷ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 57, ед. хр. 23, л. 8.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, ед. хр. 796, л. 3.

³⁰ В. Д. Бонч-Бруевич, Избр. соч. т. 3, М., 1963, стр. 335.

учреждений, музеев, архивов, издательств, частных лиц. Благодаря исключительной работоспособности В. Д. Бонч-Бруевича, продуманности предпринимаемых им мер, материалы для Государственного Литературного музея (ГЛМ) удалось собрать в короткий срок; с 1934 г. он начал функционировать. Накануне Великой Отечественной войны в его фондах числилось более 3,5 млн. единиц хранения. В их числе были рукописи, редкие портреты писателей и деятелей искусства, иллюстрации, гравюры, лубки, альбомы.

В музей поступило большое количество рукописей с фольклорными текстами, вскоре он стал крупным центром собирания и изучения народного творчества. В нем были сосредоточены записи, сделанные в фольклорных экспедициях, проводившихся как Литературным музеем, так и отдельными фольклористами. По мнению В. Д. Бонч-Бруевича, фольклорный отдел должен был отразить в экспозициях: «1) наличные свои фонды по народному поэтическому творчеству, 2) историю и источники их образования, 3) экспедиционную работу, давшую наиболее ценные фольклорные материалы, и 4) методику систематизации и каталогизации фольклорных произведений»³¹. Часть фольклорного материала была опубликована в тематических сборниках «Летописи» (например, в кн. 6-й и 8-й — «Былины М. С. Крюковой», в кн. 9-й — «Сказки М. Ф. Ковалева») и в ряде других изданий. Справочные материалы по фольклору публиковались в «Бюллетенях», которые готовились главным образом сотрудниками музея.

Всю свою жизнь В. Д. Бонч-Бруевич создавал личный архив. «А. М. Горький говорил о нем: „Удивительнейший человек! Я с ним впервые сошелся еще в пятом году... Большевиком, можно сказать, только-только родился, а Бонч уже тогда заботился о его истории... А его личный архив?“... Горький стал с увлечением рассказывать о редкостном богатстве этого архива»³².

Архив В. Д. Бонч-Бруевича в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 369) является подлинным сокровищем культуры. Здесь, в частности, находятся ценные этнографические материалы, документы по истории религиозно-общественных движений, большое количество писем, относящихся к периоду с 1890 по 1955 г. (250 картонов). Среди корреспондентов Бонч-Бруевича ученые, писатели, старые коммунисты, работники архивов, краеведы, фольклористы.

* * *

Огромный архив В. Д. Бонч-Бруевича по истории религии, по проблемам атеизма имеется в Государственном музее истории религии и атеизма (Ленинград). Последние 10 лет жизни ученого (1946—1955) были отданы этому учреждению, созданному еще в 1932 г. известным этнографом В. Г. Богоразом-Тан на основе выставки экспонатов из фондов Музея антропологии и этнографии АН СССР, Государственного Русского музея и Эрмитажа.

Большой опыт В. Д. Бонч-Бруевича в музейной и архивной работе был в полной мере использован им, когда он стал директором Государственного музея истории религии и атеизма. Здесь снова проявились замечательные организаторские способности ученого-коммуниста, его энергия, умение работать с большим размахом, увлекать коллектив. Авторитет В. Д. Бонч-Бруевича, богатый жизненный опыт, инициативность, энциклопедические знания — все это способствовало созданию сплоченного коллектива подлинных энтузиастов музейного дела. Интенсивно пополнялся музейный фонд (в него поступили коллекции Центрального антирелигиозного музея из Москвы), создавались экспозиции, которые на

³¹ ОР ГБЛ, ф. 369, к. 33, ед. хр. 10, л. 13.

³² Цит. по: В. С у т ы р и н, Указ. раб., стр. 57.

большом документальном материале знакомили с историей возникновения и развития основных религий мира, показывали становление свободы мысли и атеизма, разоблачали социальную роль религии и антинаучный характер религиозной идеологии. В музее были созданы рукописный отдел и большая библиотека.

В. Д. Бонч-Бруевич настойчиво добивался оживления атеистической работы в стране. Призывая к достижению максимальной наглядности музейных выставок, стендов и витрин, он отмечал, что подлинные предметы и документы, рисунки, картины должны доминировать в познании жизни народа, чтобы «помочь раскрыть и понять глубокую народную жизнь, ее психологию»³³. Организацию эффективной наглядной агитации по атеизму В. Д. Бонч-Бруевич рассматривал как одну из важных сторон совершенствования системы атеистического воспитания. Повседневную заботу проявлял он и о росте научной квалификации сотрудников музея, о повышении идейно-теоретического уровня и методического мастерства экскурсоводов. Он призывал экскурсоводов строить свои беседы на базе достижений современной науки, быть в курсе применяемых церковью в настоящее время методов воздействия на верующих. Со свойственным ему размахом В. Д. Бонч-Бруевич стремился к превращению Музея истории религии и атеизма в центр научно-атеистических исследований и пропаганды. В музее было собрано около 150 тыс. экспонатов, позволяющих понять, увидеть историю религии и атеизма в их сложном развитии и противоборствии от периода зарождения и формирования религиозных представлений первобытных народов, от первых выступлений древних богоборцев до успехов атеизма новейшего времени.

Музей был тесно связан с другими академическими учреждениями (до сентября 1961 г. он находился в системе Академии наук СССР, затем был передан в ведение Министерства культуры РСФСР). В. Д. Бонч-Бруевич, который одновременно руководил и сектором истории религии и атеизма Института истории АН СССР, призывал к объединению усилий ученых различных специальностей для комплексного изучения проблем научного атеизма, для борьбы с религиозным мировоззрением. Ученый указывал на важность расширения круга исследований, повышения их уровня, привлечения к разработке проблем атеизма философов, историков, этнографов.

В. Д. Бонч-Бруевич призывал использовать данные истории, этнографии, археологии, литературы для критики религии, для вооружения атеистов необходимыми знаниями. Труды советских ученых-религведов помогали и помогают формированию материалистических взглядов на всеобщую историю религии, в частности на происхождение и ранние формы религии. «Побеждать мы можем только делом, — говорил В. Д. Бонч-Бруевич, — музеем, выставкой, книгами, научными исследованиями»³⁴.

В. Д. Бонч-Бруевич настойчиво добивался активного участия всех отделений Академии наук СССР в научно-атеистической работе: «Мы полны желания объединить решительно всех товарищей, которые могут работать на этом фронте для того, чтобы выполнить с честью многократно повторенные всем нам, и мне в частности, заветы незабвенного Владимира Ильича по борьбе с религиозным мировоззрением»³⁵.

Как председатель Координационной комиссии по научно-атеистической пропаганде при Президиуме АН СССР (с 1954 г.) В. Д. Бонч-Бруевич был инициатором издания Академией наук СССР книг по различным областям науки, пропагандирующим идеи материализма и атеизма. По его замыслу был начат выпуск сборников «Вопросы истории религии и атеизма» (под его редакцией при его жизни вышли в свет два выпуска,

³³ ОР МИРА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 982-а.

³⁴ Там же, ед. хр. 776.

³⁵ Там же, ед. хр. 4, л. 2.

а два были подготовлены к изданию). Ему же принадлежала идея создания «Ежегодников Музея истории религии и атеизма», которые стали выходить уже после смерти В. Д. Бонч-Бруевича.

Детищем В. Д. Бонч-Бруевича является и «Научно-атеистическая библиотека» — серия произведений классиков атеизма и работ советских исследователей по вопросам религий и атеизма. В разработанный ученым план издания входили произведения Вольтера, Руссо, Гельвеция, Дидро, Гольбаха, Мелье, Кампанеллы, Демокрита, Эпикура, Лукреция, Лукиана, Лафарга, Геда, Жореса, Плеханова, Ольминского, Воровского и др. Основное внимание уделялось изданию работ Маркса, Энгельса, Ленина. Книги этой серии продолжают печататься и сейчас (их выпускает Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС). В этом году вышел сборник атеистических произведений В. Д. Бонч-Бруевича ³⁶.

* * *

Главными чертами научной деятельности В. Д. Бонч-Бруевича были тесная связь теории с практикой, неразрывность научной, организаторской и пропагандистской работы, огромная энергия и партийная страстность. На склоне лет он писал: «Партийное дело, которое на меня возложено партией, я ставлю выше всего...» Этот принцип ученый-коммунист пронес через всю свою большую жизнь.

PROBLEMS OF ETHNOGRAPHY AND ADJACENT BRANCHES OF SCIENCE IN THE WORKS OF V. D. BONTCH-BRUYEVITCH

The author examines the ethnographical studies of the Marxist scholar V. D. Bontch-Bruevitch which formed one of the many aspects of his multifold scientific activities. His ethnographical investigation of Russian religious sects is analysed; his views upon folklore are expounded, in particular his account of certain methodological propositions and socio-psychological political evaluations of folklore formulated by V. I. Lenin in the course of their conversations and carefully preserved by him.

³⁶ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные атеистические произведения.